

слить в новую гармонию, через живой акт души. Вот почему мы верим: Бог не оставит Россию, и великий художник будет ей дан".

Другая сторона медали — также отчетливо евразийской окраски. Над сумятицей и раздраем поиска общенациональной идеи возвышается перст судьбы: в начале нашего столетия "красные" и "белые", большевики и их антиподы были в принципе согласны в том, что Россия — не только Европа и не только Азия, а их средостение, а россияне — не только "скифы", но и европейцы.

Сегодня очевидна геополитическая безальтернативность новой России в ее исконно евразийском измерении как фундаментальной предпосылки воссоздания равновесия мировых сил, на сей раз — на основе баланса интересов. Если глобальное сообщество стремится не к новой конфронтации, а к миру, то оно, резонно отвергая новое издание концепции и практики "третьего Рима", должно быть заинтересовано в великой Евразийской конфедерации с ее естественным лидером — Россией. На всем ее пространстве россияне не чувствуют себя иностранцами, и это подтверждается социологическими индикаторами (См.: И. Левяш. Русские в Беларуси: дома или в гостях? // Социс, 1994, № 8-9). В равной мере это должно относиться ко всем этносам будущей конфедерации.

Однако нашим общим Домом она станет не только благодаря экономической и политической интеграции, но и социокультурному синтезу. Россиянам — признанным творцам одной из великих "осевых" культур — предстоит свершить еще одну великую историческую миссию. Сущность ее в том, что современная цивилизация не самодостаточна. И ее тотальный кризис требует весьма критического освоения ее достижений при безусловном соблюдении социокультурных приоритетов. Свободная от вируса вестернизации, возрожденная российская культура в сплаве с культурами народа Евразийского материка-гиганта способна стать гарантом примата культуры над цивилизацией и моделью примирения "Запада" и "Востока".

I. Ya. Levyash

THE "WEST" VERSUS "EAST" AS A CENTRAL SOCIO-CULTURAL CONTRADICTION OF THE PRESENT

Summary

Towards the end of the XXth century, with the cessation of conflict between capitalism and socialism as the "main contradiction of contemporary epoch", the world is coming back to an invisible dispute between two "axial" ways of life described in terms of culture and civilization as the "West" and "East". Viewed as exact antipodes, these "axial" patterns, however, appear to be mutually mirrored through history. For example, we could reveal facts of authoritarian or totalitarian (Nazism) barbarism as a part of the Occidental tradition and, on the contrary, surprising pragmatism and dynamism in the Oriental societies. Now, the coming world civilization is expected (and seen by so many thinkers) to have convergent trend. But there are clear signs that the future of the world civilization will be rather culturally pluralistic than mono-essential. At the junction of these tendencies, the right option for the new post-Communist Russia is necessarily concerned with its own "Eurasian" synthesis of the Western and Eastern socio-cultural tradition.

В. Д. Викторова, В. Н. Широков, А. Ф. Шорин
(Екатеринбург)

УРАЛ В СИСТЕМЕ ЕВРАЗИЙСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В ДРЕВНОСТИ

Уральская горная страна — одна из немногих в мире с отчетливо выраженной субмеридиональной складчатостью, опоясывающей огромную территорию, протяженностью около 2000 км. Этот "Земной", или "Каменный пояс", как называли Уральские горы в Средние века и Новое время, характеризуется уникальным сочетанием природных условий. Здесь прослеживается поясная и высотная зональность ландшафтов от тундры до степи. Преобладают хвойные леса, вклинившиеся и граничащие с лесостепью и степью; монотонность таежной растительности прерывается островными реликтовыми лесостепями, расположенными в пределах Среднего Урала. Такая сопряженность различных географических зон позволяла человеку на протяжении тысячелетий гибко приспосабливаться к изменениям среды обитания, вести многоотраслевое комплексное хозяйство даже в условиях присваивающего типа экономики. Не менее важной составляющей природных условий Урала является богатство рек и озер, служивших не только промысловыми угодьями, но и путями сообщений, "голубыми мостами" Евразии: через притоки Камы — Вишеру, Чусовую и Уфу осуществлялась связь Европы с Северным, Средним и Южным Уралом; притоки Тавды, Туры и Исети открывали

выход в Азию. По рекам Уралу и Каме вели пути в Казахстан и Прикаспий. Уникальный Кыштымский озерный край более чем из 200 озер, вытянутых цепочкой почти на 300 км вдоль восточных отрогов гор, так же, как и речные системы, служил не только важным резервуаром промысловых угодий для древнего человека, но и связывал истоками рек Север с Югом, Восток с Западом. Благоприятные природные условия предопределили богатство животного мира. На Урале известно более 70 видов млекопитающих, более 200 видов птиц и около 40 видов рыб. Общеизвестны значительные запасы на Урале камня, минералов и руд, в том числе высококачественных яшмовых и кремневых пород, минеральных красок, меди и легирующих элементов добавок, железа, драгоценных металлов, создавших уже в древности "стратегические" запасы сырья для обеспечения жизнедеятельности архаичных и традиционных обществ.

Перечисленные природно-географические факторы обеспечили Уралу роль территории, имеющей межрегиональный контекст в общем культурном пространстве Евразии с глубокой древности. Пограничное положение между Европой и Азией, между таежными и степными пространствами обусловило, с одной стороны, контактный характер Уральского региона; с другой стороны, здесь осуществлялась не только аккумуляция различных культурных традиций, но и вырабатывались новые культурные импульсы. В разные исторические эпохи направления и характер культурных связей менялись, но общее значение Урала как места, важного для процессов культурогенеза во всей Северной Евразии сохранялось на всем протяжении ранней и древней истории. К сожалению, специфика археологических источников, этих "молчаливых свидетелей древности", не позволяет воссоздать во всем объеме картину, соединяющую конкретный историзм и динамику культурных процессов и связей уральского населения в древности. Эта работа может быть реализована только трудом большого коллектива различных специалистов. Наша задача — наметить общие контуры этой проблемы, обозначить некоторые важные аспекты затрагиваемой темы, используя наиболее яркие археологические материалы и памятники.

Первые свидетельства пребывания человека на Урале относятся приблизительно к 250-300 тыс. лет назад. Эти свидетельства скудны и невыразительны и представлены находками костей и зубов трогонтериевого слона и оббитых галек. Но уже в верхнем палеолите (около 40-10 тыс. лет назад) Урал был активно освоен коллективами охотников и собирателей, некоторые группы которых оставили уникальные свидетельства развития собственной культуры — расписанные пещерные ансамбли. Сейчас на Южном Урале известно три таких объекта: Каповая, Игнатьевская и Серпиевская-2 пещеры. В других регионах Северной Евразии подобных памятников до сих пор не обнаружено. Максимальная концентрация "украшенных пещер" наблюдается в Западной Европе, особенно на территории современных Испании и Франции. Их здесь около 200. В то время как западноевропейские памятники этого типа содержат изобразительные комплексы разного времени — от приблизительно 30 до 10 тыс. лет назад, изображения уральских пещер были созданы только около 14 тыс. лет назад. По целому ряду признаков эти памятники двух регионов близки между собой. К этим признакам относятся: топография и зональность размещения изображений; репертуар ансамблей, состоящий из символических фигур и геометрических знаков, изображений крупных плейстоценовых животных, их частых ассоциаций со знаками, а также антропоморфных фигур; наличие некоторых общих композиционных структур и тем, которые они воспроизводят. Наиболее приемлемой интерпретационной моделью для памятников двух регионов является та, согласно которой подземные галереи служили местом концентрации графической информации, имеющей важнейшее значение в обрядах проведения инициаций.

Отмеченные совпадения характеристик памятников приатлантической Европы и Урала показывают важную тенденцию к сходству, которое не исключает генетическую близость пещерного искусства Урала и Западной Европы, несмотря на громадное расстояние, разделяющее их. Определенную гомогенность этой зоне придают обнаруженные в гроте Кучюлат (Румыния) верхнепалеолитические росписи красной охрой, а также находки палеолитического искусства в Австралии, подчеркнута абстрактный характер которого не имеет ничего общего с европейским. Следует заметить при этом, что в разработке анималистических тем искусство уральских пещер ближе к восточноевропейскому по значительной доле фигур мамонта; уникальное изображение верблюда из Игнатьевской пещеры находит тематические сопоставления только в материалах памятников Русской равнины. Эти и некоторые другие наблюдения придают западноевропейским параллелям в пещерном искусстве Урала восточноевропейский колорит.

Ярким проявлением искусства древних уральцев являются и писаницы — наскальные изображения на прибрежных скалах под открытым небом. Этих памятников насчитывается более 70, а их создание относится к длительному хронологическому периоду от завершающих этапов каменного века до средневековья. Несмотря на локальные различия, ареал распространения писаниц выглядит достаточно однородно с точки зрения топографии памятников, техники воплощения художественного замысла, репертуара знаков и образов, содержания композиций. Выделяется 4 группы изображений: 1) Геометрические формы, среди которых зигзаги и волны, пятна и отрезки, сетки, окружности, дуги, шестигранники и ромбы,

меандры и др.; 2) Звери — почти исключительно копытные (лось, олень, косуля), но отмечены также единичные рисунки медведя, собаки и каких-то других трудноопределимых видов; 3) Водоплавающие птицы — утки, гуси и лебеди; 4) Антропоморфные фигуры. Соотношение этих групп можно определить как 57%, 16%, 10% и 17% соответственно. Известны пункты с 1-3 фигурами, но преобладают многофигурные "полотна". Часто объединенные в композиции, они отражают мифолого-религиозные представления древних уральцев, их промысловые культы и календарные обряды. По тематике наскальные изображения Урала органично входят в обширную зону "охотничьего" искусства севера Евразии, находя некоторые очень близкие стилистические и содержательные параллели в искусстве Сибири, с одной стороны, и Европы — с другой. Восточные параллели проявляются в наличии стилистически и технически близких изображений лосей на Среднем Урале и Ангаре, антропоморфных фигур с "рожками" (или "ушами"), а также многолучевых фигур, открытых недавно на Тагиле и известных на Шишикинских скалах, а также в материалах афанасьевской, окуневской и самусьской культур Сибири и Алтая. Выявляются и близкие по набору фигур композиции, связанные с комплексом представлений о лосе и "лосином празднике", занимавшем видное место в календарной обрядности народов Урала и Сибири. С выявления этого сюжета в наскальном искусстве Тагила и Ангары можно уверенно судить о его окончательном оформлении в сложившемся виде в переходное от эпохи камня к бронзовому веку время, а стилистические детали некоторых композиций указывают на распространение на широкой территории определенных образительных стереотипов, сопоставимых с распространением сейминско-турбинского транскультурного феномена металлургии бронзы.

К западу от Урала наскальное искусство широко представлено в Фенноскандии. Ранее проводилось сопоставление уральских и северонорвежских наскальных изображений, при этом отстаивалась идея их восточноуральской прародины. В настоящее время эта точка зрения не может быть принята. Гораздо ближе к уральскому по результатам общего сравнения наскальное искусство Финляндии. Изображения нанесены на прибрежные скалы, и так же, как на Урале, выполнены только красной краской. Большая часть писаниц содержит по несколько фигур, и только в трех пунктах их количество достигает 50-60. По частоте встречаемости доминируют лоси, изредка известны олени, антропоморфные фигуры, лодки, отпечатки ладоней, зигзагообразные линии, геометрические формы, рыбы и птицы. Среди изображений лосей имеются стилистически близкие уральским, особенно звери без рогов и с контурным прямоугольным туловищем почти или вовсе без шеи, как и на некоторых среднеуральских писаницах. В обоих регионах известен рентгеновский стиль, имеется сходство геометрических фигур и некоторых антропоморфных; разумеется, есть и отличия. Начало создания писаниц Финляндии — III тыс. до н.э. — совпадает с датировкой многих уральских памятников. Важно, что на рубеже II-I тыс. до н.э. в Фенноскандии появляются (особенно в прибрежной зоне) некоторые черты материальной культуры, объясняемые продвижением групп населения с востока. Это сходство писаниц Финляндии и Урала подчеркивается и существенными отличиями их от наскального искусства Карелии и Кольского полуострова. Еще одна тема — водоплавающей птицы — роднит Урал и европейский Север. На Урале эти фигуры отмечены как на писаницах, так и на сосудах; известны также фигурки в виде костяных подвесок и деревянных ковшей. По стилю многие рисунки птиц на керамике и на скалах совпадают и относятся к периоду неолита — бронзовому веку. Типология фигур показывает, что наибольшее разнообразие наблюдается в энеолите (позднем неолите, по другим схемам). Все стилистические приемы, отмеченные на сосудах севера европейской части, известны на Урале, что позволяет считать эту территорию важной для генерации определенных идей и образов; к востоку от Урала изображение птиц в это время единичны. Таким образом, разработкой этой темы на стилистическом и содержательном уровне уральское искусство в большей мере связано с западом, а не востоком.

В силу специфики природно-географических и климатических условий Урал не входил в зону становления производящего хозяйства. Проникновение в этот регион скотоводства и земледелия происходит позднее, чем в первичных центрах цивилизации, не ранее эпохи энеолита и бронзового века (III-II тыс. до н.э.). Богатство фауны, наличие высококачественного каменного сырья, игравшего наряду с деревом и костью основную роль в изготовлении орудий и оружия на ранних этапах истории, долгое время обеспечивали высокие потенциальные возможности развития на Урале присваивающих форм экономики. Но внедрение новых форм хозяйства в Уральский регион не являлось простым их заимствованием: население Урала сыграло роль катализатора, например, в развитии такой отрасли скотоводства, как коневодство. Археологические данные свидетельствуют, что южноуральские и казахстанские степи и лесостепи являлись составной частью Евразийского региона первичной domestikации лошади уже в эпоху энеолита (III тыс. до н.э., ботайская культура). Урало-Казахстанские степи сыграли важную роль на последующем этапе первобытности — в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.), — в развитии комплексного хозяйства с акцентом на различные формы скотоводства, создав к концу этой эпохи (рубеж II-I тыс. до н.э.) предпосылки для зарождения системы кочевничества как важнейшей социально-экономической и политической системы, предопределившей в эпоху

раннего железного века в этом регионе разложение первобытных отношений и возникновение предгосударственных образований. Степные пространства Урала и Казахстана сыграли в эпоху бронзы и раннего железного века важную роль в культурогенетическом процессе народов Евразии и мировых цивилизаций, являясь частью культуурообразующего пространства многочисленных воинственных ирано- и тюркоязычных племен. Так, во второй четверти — середине II тыс. до н. э. степи и лесостепи Южного Урала и Казахстана сыграли значительную роль в культурогенезе индоарийских народов, приблизившихся здесь в своем развитии к протогородской цивилизации (Синташта, Аркаим и другие укрепленные поселения Южного Урала), но, в силу суровых природных условий и потенциальной емкости урало-казахстанских степей для ведения экстенсивных форм скотоводства, не перешедших на том этапе к стадии государственности. Но изобретение индоариями в этом регионе принципиально нового вида боевого транспорта — колесницы — и новой тактики ведения боевых действий позволили этим группам севроевразийского населения совершить огромные и длительные миграции и дойти до Индостана, всколыхнув при этом многие центры ближневосточных цивилизаций II тыс. до н. э. Урал входил в зону формирования на степных и лесостепных пространствах Евразии от Доно-Волжья до Енисея огромных культурно-исторических общностей срубной и, особенно, андроновской, за которыми большинство исследователей прослеживают ранние этапы этногенеза народов индоиранской языковой группы. Лесные же пространства Урала и сопредельных ему территорий в эпоху неолита и бронзового века, а может быть, и ранее, сыграли существенную роль в этногенезе финно-угорских и самодийских народов и, видимо, ключевую роль в ранних этапах этногенеза представителей угорской ветви, предков современных хантов, манси и венгров.

С бронзовым веком связано и внедрение в экономику древних обществ такой важной отрасли производящего хозяйства, как металлургия и металлообработка бронзы. Урал, безусловно, сыграл значительную роль в формировании навыков создания первых искусственных материалов. К сожалению, процесс освоения металлургии бронзы уральским населением еще недостаточно исследован. Но очевидно, что рудные богатства Урала привлекли к себе пристальное внимание не только самих уральцев. Уже в энеолите (III тыс. до н. э.) медные рудники Южного Урала эксплуатировались племенами ямной культурно-исторической общности — огромного образования Доно-Волжских и Уральских степей и лесостепей, которые, кстати, первыми в мировой практике стали использовать курганный способ захоронения (курганы в последующие археологические эпохи маркировали в великом поясе степей Евразии пребывание многочисленных кочевых орд). В эпоху средней бронзы (вторая четверть II тыс. до н. э.) уральские медные рудники оказались объектом эксплуатации таких крупных племенных образований, как абашевская, синташтинско-петровская и др., векторы культурно-генетических связей которых имеют, наряду с местными, и явное восточноевропейское направление. В последующие эпохи бронзового века уральские металлурги являлись поставщиками бронзы и изделий из нее как в западные (вплоть до Дона), так и восточные (Западная Сибирь) регионы Евразии. Под влиянием восточных (сибирско-алтайских?) инкорпорантов (явление, получившее в археологической литературе название сейминско-турбинского трансконтинентального феномена) уральские бронзолитейщики освоили в начале третьей четверти II тыс. до н. э. принципиально новую технологию металлообработки — тонкостенного литья в закрытых формах с сердечником.

Значительное место в хозяйственной кооперации уральского населения раннего железного века занимал иткульский очаг металлургического производства, для которого характерны: устойчивая техника, технология и формы изделий. Мощным стимулом его развития было соседство с савромато-сакскими объединениями, испытывающими постоянную потребность в оружии. Не исключено, что подавляющая часть знаменитых скифских наконечников стрел — продукт импорта в кочевнический мир изделий именно иткульских металлургов. Существовали постоянные контакты древних металлургов с населением приуральского и западносибирского регионов. Характер связей ананьинской общности (Приуралье) изменялся в зависимости от политической ситуации на юго-западных и южных границах. В VII-VI вв. до н. э. это были торговые и культурные контакты со скифским и северо-кавказским миром. В V-IV вв. до н. э. направление связей резко меняется. На памятниках появляются предметы западно-сибирского круга. С утверждением раннесарматской (прохоровской) культуры опять возобладало южное направление торговли. Другая трасса торгового пути шла, по Геродоту, из Ольвии через сарматские земли на восток. В погребениях савроматских жриц часты находки предметов импорта из стран Переднего Востока.

Наиболее существенным событием в Северной Евразии периода II в. до н. э. — II в. н. э. было продвижение сарматских племен из поволжско-урало-казахстанских степей в Скифию и разгром ее во II в. до н. э. Утверждение сарматов в Причерноморье имело серьезные последствия в европейской истории. Многочисленные воинственные ираноязычные племена (сначала сираков, роксаланов, аорсов, языгов, затем алан) полвека держали в постоянном напряжении северо-восточные границы Римской империи и города Причерноморья.

Великое переселение народов — кочевников Центральной Монголии по уральским степям

в Причерноморье и далее на юг Западной Европы приходится на III-V вв. н.э. На Урале процесс макро- и микромиграций растянулся до VI в., а в некоторых районах до VIII-IX вв. Степи Урала послужили коридором, по которому вслед за гуннами проследовали волны кочевников: авар, сарагулов, угров, савиров, печенегов, огузов, кипчаков. По этноязыковому составу мигрирующие группы были разными: угры, венгры, турки, самодийцы.

Стабилизация уральских обществ в VI-IX вв. способствовала восстановлению древних торговых путей. Через Кавказ по Волге и Каме в Приуралье поступали украшения и серебряные сосуды из Египта и Византии; через Среднюю Азию, Южный Урал — сасанидское серебро. Предметом обмена, видимо, была пушнина. В VII-IX вв. возрождаются обменные операции прото-удмуртов с народами юго-восточной Европы. Усилились межэтнические культурные контакты финно-пермских народов с волжскими финнами (прото-мери, мордвой, мари). С образованием в IX в. Булгарского государства на Волге ремесленники и купцы Болгара стали основными посредниками культурных и торговых связей таежного уральского и западно-сибирского населения со степным европейским и лесным славянским мирами. С X-XI вв. определился и второй путь торговли — западный по Сухоне, Северной Двине и Вычегде с землями прибалтов и западных финнов.

По данным письменных источников, с конца XI в. славянские дружины эпизодически проникают к народам Северного Урала для сбора дани "мягкой рухлядью". С XII в. начинается активное продвижение русских в земли Перми вычегодской и освоение бассейна Вятки. В конце XIV-XV вв. русское население проникает в Верхнее Прикамье и Зауралье, подготавливая активную колонизацию края в конце XVI-XVII вв.

V.D.Viktorova, V.N.Shyrokov, A.Ph.Shorin

THE URALS IN ANCIENT EURASIAN CULTURAL TIES

Summary

Thanks to its considerable sub-meridional extent, the Urals is the unique geographical region from the viewpoint of combination of landscapes, richness of entrails, flora and fauna. This area is not only the natural border between Europe and Asia, but "tightens" so different worlds of the North and South, East and West. For centuries the Ural region attracted the man by its strategic sources of raw materials and its possibility to adapt to changes in environment and to have multi-branch economy. Border position of the Urals predetermined, on the one side, its numerous contacts; on the other side, there was not only accumulation of cultural traditions but formation of new cultural impulses. During different epochs aims and character of cultural ties of the Ural population had changed, but the importance of the Urals for the processes of culturegenesis of peoples of the Northern Eurasia had been the same for the whole period sources from the Upper Palaeolith to the period of the Russian colonization of the area. Some of them are analyzed in this article.

Н. А. Миненко
(Екатеринбург)

РУССКАЯ ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

(XVIII — первая половина XIX века)

У русских — крупного народа, расселенного на значительной территории, в рамках единой национальной культуры исторически складывались локальные культурные особенности. Если говорить о восточных регионах, к которым относятся Урал, Сибирь, российский Дальний Восток, то здесь формирование русского населения происходило в ходе массовых перемещений его с запада. В Приуралье русские поселения возникают уже в XV в., но впечатляющие масштабы русская колонизация восточных земель приобретает со второй половины XVI столетия. Перевалив через Уральские горы, основывая города, остроги, слободы, деревни и заимки по всем крупным рекам Сибири, к середине XVII в. русские вышли к побережью Тихого океана. В XVIII в. переселенцами активно осваиваются южные районы Урала и Сибири. Миграционные потоки с запада на восток не пресекаются и в первой половине XIX столетия. При этом середина XIX в. в этнодемографическом развитии восточных регионов имела значение определенного рубежа. Так, Р.Г.Кузеев пришел к выводу, что в Волго-Уральской исторической области (Среднее Поволжье и Южный Урал) к середине XIX в. "сложились те контуры расселения народов", которые "с небольшими изменениями сохранились до середины XX в.", а также определились "основные демографические соотношения между различными народами", ставшие "одним из крупных факторов, воздействующих на направление этнокультурных